

ИРИНА ПРОНИ

К ПИРАМИДАМ

«...ВНИДОША ВОДЫ ДО ДУШИ
МОЕЯ»

Ирина Прони

**К пирамидам. «...внидоша
воды до души моея»**

«Издательские решения»

Прони И.

К пирамидам. «...внидоша воды до души моея» / И. Прони —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857973-8

В благоприятный момент жизни Эльвира оказывается около египетских пирамид. Они производят на неё огромное впечатление, и она мечтает увидеть их ещё раз. Казалось бы, есть и возможности для осуществления мечты. Однако... С раннего детства Эльвира сирота, потерявшая родителей во время блокады. Но через 30 лет неожиданное известие. Что дальше. Радости и проблемы. Характер и судьба. Жизненные повороты. Новая встреча с пирамидами. Что теперь?

ISBN 978-5-44-857973-8

© Прони И.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ: Категория времени	6
Часть первая: БЛИЖНИЙ ВОСТОК	7
К пирамидам	7
Глеб и Эльвира	10
Записи Татьяны Петровой	12
Сначала вступление	13
Крещение и благословение	14
Новые знакомые	18
Из записей Татьяны Петровой	20
Эльвира – воспитатель	23
Празднование Пасхи	27
Город Багдад. Из записей Татьяны Петровой	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

К пирамидам «...внидоша воды до души моея»

Ирина Прони

Редактор Людмила Михайловна Леонова

© Ирина Прони, 2017

ISBN 978-5-4485-7973-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ: Категория времени

У Эли было удобное место у окна по ходу движения автобуса. Она всматривалась в проносившееся мимо, пытаясь разглядеть и отыскать глазами что-то знакомое. Экскурсовод объявил:

– Запланированное время в пути – 2 часа. Всего через два часа настоящего вы, увидев пирамиды, окажитесь в далеком прошлом человечества. Одна из множества версий возникновения пирамид предполагает, что строились они выжившими обитателями Атлантиды по подобию их храмов. Они сориентированы в пространстве таким образом, чтобы фокусировать энергию космоса и направлять её в мир людей для их подзарядки. Форма пирамид соответствует форме гигантского тетрагонального кристалла. Погрешность в расчетах при строительстве пирамид составляла всего 0,05%. Единый эталон длины сверялся каждое полнолуние. Нерадивых строителей ждала смертная казнь. Некоторые люди, наши современники, увидев древние пирамиды, явно ощущают, что настоящее – это узел, скрепляющий прошлое и будущее. «Люди боятся времени, а время боится пирамид», – так говорят арабы.

– Так говорят арабы, но не мы, – услышала Эля тихий голос молодого человека, сидящего позади неё – мы не боимся никакого времени.

– А чего нам бояться? – отозвался его приятель. – У нас есть чем скрепить прошлое и будущее. Давай прямо из фляжки по глоточку. Вот и будет у нас увязка между вчерашним вечером и всем дальнейшим.

– Не вынимай из пакета, не шурши и не привлекай внимания, – сказал первый. – Молодец! Предусмотрел, как нам преодолеть сложную категорию времени на два часа пути!

– При этом еще и увязать ее с категорией пространства, – добавил приятель. – Сколько километров предстоит проехать!

С заднего сидения до Эли долетали приглушенные звуки оживленной суеты и реплики двух молодых людей. Ей это было не интересно. Она слушала экскурсовода:

– Пирамиды можно считать материальным воплощением символа вечности. Сколько эпох прошло на их фоне! Сколько человеческих жизней! И что такое рядом с ними человеческая жизнь...

Совсем скоро, меньше, чем через два часа она окажется там, где многие годы мечтала оказаться снова. Интересно, как она сумеет почувствовать прошлое? И какое прошлое ей откроется: бездна человеческой истории или то, что за прошедшие годы ей пришлось испытать в собственной жизни? А чего только не произошло за эти годы! Порой она, словно, была не причастна и сама к поворотам в собственной судьбе.

Господи! Сколько раз Ты даешь нам возможность начать жить по-новому!

Эля немного волновалась.

Часть первая: БЛИЖНИЙ ВОСТОК (начало семидесятых двадцатого века)

К пирамидам

– В этот раз день рождения у тебя будет необычный. В посольстве мне сказали, что из Адена в Москву мы полетим с пересадкой в Каире и задержимся там на пару дней. Так что имеем великолепный шанс – съездить к пирамидам! – сообщил Глеб жене.

– Как здорово! В свой день рождения увидеть пирамиды – об этом я и мечтать не могла! Всё расстраивалась, что мы будем в дороге.

Эльвира и Глеб собирались домой в свой Ленинград после двух лет пребывания в Йемене. Они радовались, что срок контракта Глеба (переводчик арабского языка на строительстве военного госпиталя, сооружаемого с помощью советских специалистов) заканчивался и строили бесконечные планы к возвращению домой. Прошедшие два года были однообразны, скучны, трудны из-за местных специфичных условий и климата. Уже приступивший к работе в новом медицинском центре хирург Василий Николаевич, с которым Глеб подружился, заметил ему скептическим тоном:

– Сейчас вы соскучились, вас тянет повидаться с родными и друзьями. А побудешь дома пару месяцев, отдохнешь, да тут и обнаружится, что денежки-то, собранные за время командировки как в сертификатах, так и в рублях, катастрофически быстро заканчиваются. И, конечно, родина щедро напоит тебя берёзовым соком, но что касается прочего, то она предложит в перспективе лишь оклад на сто десять, да дальнейшее проживание в коммунальной квартире с соседями. И тебе сразу же захочется, чтобы родина снова послала тебя скучать по ней куда-нибудь в арабские края, где непростой климат компенсируется приличной зарплатой.

Объективно говоря, будущее четы Плотвиных зависело именно от того, как устроится Глеб. С одной стороны, он мог снова отправиться переводчиком в какую-нибудь арабскую страну. Но с другой – работа по контракту всегда временная, закончится срок и фималля! – что значит по-арабски «прощайте». Ищи новый контракт. Глебу хотелось стать журналистом со спецификой арабского направления и попасть на работу в ТАСС. Для этого, считал он, в дальнейшем им будет необходимо перебраться из Питера в Москву. А у его жены Эльвиры была универсальная специальность – воспитатель детского сада. На эту профессию спрос был всегда и везде.

В Каире они остановились у Генки Капустина, бывшего сокурсника Глеба, теперь он был референтом в советском посольстве. Капустин был рад принять их у себя. Он сводил их в Каирский музей, подробно и с гордым воодушевлением рассказывал о своем недавнем путешествии по Нилу, об Александрии, о Суэцком канале.

К пирамидам они отправились днем на такси. Эльвиру сразу поразила необычная картина: лаконичность линий пирамид на фоне пустыни.

– В поле зрения никаких иных объектов, словно специально всё лишнее удалено, чтобы обозначить совершенство их формы, – комментировал Капустин.

И череда пирамид, разрывающих своими вершинами линию горизонта, и охраняющий их сфинкс казались Эле не мертвыми сооружениями, а живыми, наполненными неведомой мощью. Как будто древность не состарила их, а аккумулировала в них за тысячелетия непонятную силу. Эля ощущала необыкновенный эмоциональный и душевный подъем. Ей казалось,

что невидимая энергетическая волна, излучаемая пирамидами, давала почувствовать безграничность времени. Неужели всё это было всегда, и пирамиды стояли так же и сто, и триста, и тысячи! лет тому назад? «Люди боятся времени, а время боится пирамид» – такова арабская мудрость.

Неподалеку послышалась русская речь. Соотечественники держались в стороне небольшой группой.

– Наши люди, – отметил Капустин. – Строители из Александрии приехали на экскурсию к пирамидам. Сколько объектов строит в Египте наша страна! Народа из Союза здесь полно, – сообщал он, – все приехавшие хотят накопить денег, а также закупить чего-то, что можно выгодно продать дома. Публика самая разная: от по-университетски образованных интеллигентов до всякой строительной шушеры из разных городов. Но настоящих специалистов по современному Египту и вообще по Ближнему Востоку не так много.

– Похоже, тут в Каире ты успешно восполняешь собой пробел по недостающим экспертам-ближневосточникам, – ухмыльнулся Глеб.

– Образование, которое мы с тобой получили в университете, даёт неплохие возможности, – заявил бывший однокурсник. – Но сейчас в Египте много не только наших. Иностранцы оказывают помощь местному населению, толкуются ученые всех направлений от историков до мелиораторов. А сколько тут военных! Разведка разных стран шныряет повсюду! – Капустин старался выглядеть значительным и важным. – Всем ясно, что в будущем именно Ближний Восток станет настоящим ристалищем в силовых турнирах и политических битвах великих держав. Именно тут они будут соизмерять свои силы.

– По твоим речам не трудно догадаться, что отчетов тебе приходится писать немало, – пошутил Глеб.

– У любой работы своя специфика и свой стиль, – Капустин сохранял серьёзность.

На следующий день они поехали к пирамидам вечером отмечать дату рождения Эльвиры. На веранде небольшого ресторанчика, где они удобно расположившись, пили подаваемое здесь хорошее немецкое пиво, народа было немного, оставались свободные столики. Глеб и Генка продолжали свой разговор о перспективах полученного ими образования.

– Я решил, что буду поступать в аспирантуру, но не в наш Ленинградский университет, а в Московский институт международных отношений, – делился своими планами Капустин. – Рекомендацию в посольстве мне дадут. Но нужно заполнить еще две позиции, которые в моей анкете пока пустые: первое – жениться, второе – вступить в КПСС.

– Вступить в партию – это понятно: партбилет – пропуск на карьерную тропу. А почему для поступления в аспирантуру необходимо жениться? – удивился Глеб.

– Жена – очень важный момент. Женатые считаются более благонадежными. Их легче держать в нужных рамках, ведь от всяких неожиданностей удерживают уже сами семейные узы. Но главное, на ком женишься! Для карьеры правильная жена – тоже пропуск, а неправильная – может стать и шлагбаумом. – Капустин, наклонившись к Глебу, заговорил, слегка понизив голос. – Помнишь Витьку Зайцева? Так у его жены брат за фарцу сел на пару лет, и теперь всё, Витёк уже не выездной. А Валерка Мохин? Его жена окончила московский институт им. Баумана и получила распределение в какой-то закрытый НИИ. Просидела там всего один год до того, как Валере предложили в Сирию поехать. Тут-то и оказалось, что родина не может её отпустить в другую страну из-за того, что ей там, в Бауманском, какие-то технические секреты преподавали, да и в этом НИИ, куда она угораздилась, тоже всё с особым грифом. Волнуются начальники, вдруг она все эти секреты начнет сирийцам пересказывать, поэтому они и Валерку оставили дома. Вот ты, Глеб, как говорится, сироту взял, это не так плохо. Не обижайся на мои слова. Сирота, может быть, ничем не поможет, но ничего и не испортит.

Эльвира почти не слушала, о чем говорили Глеб и Генка. Она всматривалась ряд пирамид и с нетерпением ждала начала светомузыкального представления. Наконец яркие разноцветные лучи стремительно пробежали по пирамидам. Перекрещиваясь и смешиваясь, они причудливо окрашивали древние сооружения в разные цвета. Пронзительно светлые лучи внезапно выхватывали сфинкса из черноты пустыни, и он будто повисал в темном фантастичном пространстве. Напряженный ритм непривычной восточной музыки усиливал эффект невиданного и нездешнего праздника. Эля, захваченная зрелищем, сидела, как замороженная.

«Люди боятся времени, а время боится пирамид» – не выходило у неё из головы. – Сколько же здесь побывало людей, какие прошли эпохи? Что такое человеческая жизнь на фоне всей истории? Что такое собственная жизнь, каждому даруемая Господом в отведенный промежуток времени в созданном Им непознаваемом пространстве? Я обязательно, обязательно побываю здесь ещё раз», – мечтала она.

А почему бы не мечтать об этом? Конечно, они с Глебом побывают у пирамид снова! Сомнений нет. Какие тут вопросы? Арабский язык определяет профессиональную сферу деятельности её мужа. Значит, ему и ей – им вместе – придется ездить по странам Ближнего Востока. Их будущее не вызывало у неё тревоги. У них всё будет хорошо. Рассуждения Капустина по поводу карьеры ей были неинтересны. Это всё к ней не относилось.

Глеб и Эльвира

После школы Глеб поступал в университет на исторический факультет, но не прошел по конкурсу и попал в армию. Но именно здесь он и определился со своим будущим. Глеб имел музыкальное образование: играл на кларнете, неплохо подбирал аккорды на гитаре, мог сесть и за ударника. Как музыканта его определили служить в музкоманду, и в армейском оркестре он подружился с трубачом Димкой Власовым, москвичом. Тот ему внушал:

– Это у вас в Питере любят историю, потому что там, кроме истории, нечем заниматься. Сейчас нужно не историю учить, а иностранные языки. Причем такие языки, на которые намечается большой спрос. Посмотри, сколько народа на земле говорит по-арабски! Язык – это дверь, раскрытая в мир!

– Мне в историческом аспекте больше всего интересен именно арабский регион, особенно древний Египет с его пирамидами. Там всё загадка, с какой стороны не копни.

– Да что в древностях копать! Будешь со своим дипломом историка у вас в Эрмитаже годами бирки на мумиях перебирать! Если хочешь попасть на Ближний Восток, учи арабский. Погляди, что сейчас там делается! Специалисты-арабисты никогда без работы не будут. К тому же после армии такие льготы для поступления в университет, что глупо не воспользоваться.

Демобилизовался Глеб в декабре. Прибыл домой и сразу начал готовиться к вступительным экзаменам. Напряжение было велико, ему казалось, он сделал очень высокую ставку. В волнении пребывала и вся родня: мать, старшая сестра и тетка. Ведь никто из них не учился в университете, да тут ещё и арабский язык. Глебу казалось, он не имеет права не оправдать их ожидания и сорваться. Экзамены сдал успешно, но конечно, для преодоления конкурса пригодились и его армейские льготы. Во время учебы в университете его не покидало чувство ответственности, плохо учиться он просто не имел права. Ещё студентом он побывал на практике в Сирии и остался доволен. Понял, что сделал для себя правильный выбор.

С Эльвирой Глеб познакомился, когда учился на третьем курсе. Ему сразу понравилась изящная, хрупкая девушка. Каштановые волосы до плеч, лёгкий наклон головы, зелено-серые глаза, негромкий голос, мягкая улыбка. Ему казалось трогательным, что она живет совсем одна. Родителей потеряла в войну, бабушка, которая вырастила её и младшую сестру, умерла. А сестра рано вышла замуж и уехала с мужем на север. Однако беспомощной и слабой Эльвира не была. У неё было педагогическое образование, и она работала в детском саду. Глебу нравилась её исключительная аккуратность и пунктуальность – то, чем не могли похвастаться его сокурсники. Он сказал Эле, что жениться на ней сможет только тогда, когда окончит университет и станет экономически независимым от матери. «Ну что же, тогда и вопрос о твоём переезде ко мне в мою комнату пока обсуждать не будем», – сразу поставила она всё на свои места.

Но поженились они всё-таки раньше, в начале пятого, выпускного курса Глеба. От того, женат он или нет, зависело распределение после окончания университета. Ему предложили поехать с женой на два года в Йемен вольнонаемным переводчиком в группу советских военных консультантов. Зарплата там была значительной, квартирные расходы и перелет оплачивало военное ведомство. «Везунчик ты, Плотвин, – сказал его однокурсник, – в университет поступил без проблем, учился без срывов, а назначение получил – лучше не бывает! Да ещё и с женой повезло. Вести себя умеет, с такой не пропадешь».

Когда после командировки они вернулись из Йемена домой, Десятое военное управление сразу предложило Глебу новый контракт вольнонаемного переводчика, на это раз в Ираке. Но Глеб думал только о журналистике. Они поехали в Москву, остановились у знакомых.

Однако с устройством в ТАСС ничего не получилось. Ответственный редактор, с которым Глеб разговаривал по поводу работы в редакции по странам Ближнего Востока, одобрил предлагаемую Глебу командировку в Ирак.

– Пришлете нам оттуда пару-тройку материалов, будете держать контакт с нашим ближневосточным корреспондентом. Так что, если у вас хорошо пойдет, через два года разговор может быть другим. Не обижайтесь, но сейчас получается, что вы вроде с улицы дверь открыли и хотите сразу оказаться в самом престижном международном агентстве. А что вы можете предъявить? Арабский язык – да, это неплохо, но недостаточно. Каким вы окажетесь журналистом? Кроме того, ведь вы ленинградец и у вас нет ни московской прописки, ни жилья в Москве.

– Мы с женой планировали обменять свою площадь в Ленинграде на Москву.

– Что у вас за площадь? Комната в коммунальной квартире? Да у вас годы уйдут на обмен, так и будете снимать чужие углы. Багдад для вас сейчас самый лучший вариант – возможность заработать деньги на кооперативную квартиру в Москве. Если решите жилищную проблему в столице, то и с устройством на работу перспективы заметно расширятся.

После такого напутствия было над чем задуматься, да и военное Десятое управление торопило с ответом.

Глеб дал согласие на двухгодичный контракт в Ираке.

Записи Татьяны Петровой

Записи Татьяны относятся к довольно безмятежному периоду, когда ещё никто не знает, что случится в дальнейшем, и не предполагает, какие кого ждут потрясения. Для данного повествования интересны те страницы её записей, где она характеризует своих друзей.

Начало.

Итак, у нас начался новый, незнакомый по стандартам нашего жизненного опыта, период жизни: мы одни, имеется в виду без родных и друзей, находимся в чужой стране. Впечатлений – масса, и хочется как-то сохранить их в памяти, чтобы однажды поделиться с теми, от кого мы сейчас далеко. Поэтому решено, я начинаю вести дневник. Помнится, когда-то ещё в школьные годы у меня время от времени возникало желание как-то фиксировать происходящее со мной и вокруг меня. Но, то времени не хватало, то понимания, как это делать. Иногда было лень записывать все эти подростковые томления, а иногда мои переживания казались мне столь трепетными и глубоко интимными, что я не могла доверить их даже бумаге.

Однако я буду не хронологически записывать события со скрупулёзными пометками дат, а стану описывать свои впечатления. Но будет ли это в дальнейшем кому-то интересно? Кто станет моим читателем? Родственники, друзья, дети, будущие внуки (а что?!), или любопытные и пристрастные посторонние люди? А может быть только я сама через много лет...

Дневник может быть что-то вроде друга, с которым можно поделиться. А тут в чужой стране, в новой для нас обстановке друзей у нас пока нет. Попробую описывать всё по порядку.

Сначала вступление

Для нас настал долгожданный и радостный момент: мы получили дипломы! Согласно документу о высшем образовании я – преподаватель иностранного (английского и немецкого) языка, так как я окончила Московский институт иностранных языков. А мой муж – выпускник МГИМО, поэтому в его дипломе записано: «Специалист по международным экономическим отношениям».

Со своим мужем Владимиром Петровым я познакомилась в студенческой дружеской компании. Влюбилась (взаимно), вышла за него замуж. Ко времени окончания института нашему сынишке Павлику не исполнилось ещё и года, поэтому мы планировали, что я некоторое время работать не буду. Володя рассчитывал, что сразу после получения диплома его пошлют на полгода в Англию на стажировку в советское торгпредство. За границей на практике он уже бывал: на последнем курсе два месяца работал в Египте. Я же предстоящие полгода должна была провести дома с ребенком.

И вдруг мой муж получает повестку в военкомат! Там выясняется, что его срочно призывают в армию в качестве военного переводчика и командируют на Ближний Восток. Мой Вовка – человек жизнерадостный и везучий. Неплохое соединение жизненных качеств.

– Не грусти, Танюха, что дан приказ мне не на запад, а в другую сторону, – сказал он мне. – Перечитывай сказки «Тысяча и одной ночи», мы едем в Багдад. Пройдёмся там по улочкам, где семенил Маленький Мук. Два года я буду военным переводчиком в звании лейтенанта. Это совсем не плохо, ведь я ещё и за звание буду получать.

Володя отбыл в Ирак, а мне пришлось немного задержаться с Павликом в Москве, так как ребёнку следовало сделать целую кучу всяких прививок перед отъездом в страну со сложным климатом.

И именно в это время в моей жизни произошло важное и очень значимое для меня событие.

Крещение и благословение

Перед самым отъездом Володи к нам из Подольска приехала его бабушка Мария Викторовна, чтобы перед дальней дорогой пожелать любимому внуку счастливого пути. Когда Вовку уже проводили в далёкий, известный нам пока только по сказкам Багдад, Мария Викторовна спросила у меня:

– Как повезешь некрещеного младенца в чужую страну?

– А что можно сделать? Я и сама-то некрещеная. Говорят, что для крещения в церкви требуются паспорта, и кто знает, какие могут быть последствия от такого непонятного контроля.

Я рассказала Марии Викторовне, что мне ещё в детстве почему-то сильно хотелось, чтобы меня окрестили. Но когда я об этом просила маму, она пугалась и говорила, что это невозможно. В школе я была девочкой активной и общительной, к тому же меня постоянно выбирали председателем совета отряда. Это вызывало у мамы какие-то опасения, и поэтому все мои пионерские года с выборной должностью председателя отряда проходили под мамины неприменные наставления: «Таня, много не болтай! Папу могут посадить!» Уж она-то знала хорошо, что значит «отца посадили» и каково вдруг стать дочерью «врага народа». Невозможность осуществления моего желания она прямо объясняла тем, что за крещение дочери могут наказать отца, так как мой папа капитан 1 ранга и притом член КПСС.

– Теперь ты взрослая и самостоятельная, родители уже не отвечают за тебя, – заявила М.В. – Вот что, завтра мы с тобой отправимся гулять с Павликом, дойдём с детской коляской до церкви и узнаем про крещение младенца.

Когда мы зашли на территорию храма, Мария Викторовна велела мне дожидаться у входа в церковь, а сама вошла внутрь. Через некоторое время она вернулась и разочарованно сказала:

– Да, без паспорта крестить не разрешается. Батюшка объяснил, он не может нарушать правила. Для крещения взрослого человека требуется его паспорт, а для крещения младенца нужно письменное согласие родителей.

Хотя я и знала о подобных строгостях, но слышала и о том, что иногда священник пренебрегает ими, поэтому у меня теплилась надежда, что Мария Викторовна как-то сумеет договориться. Я честно ей призналась, что, принимая во внимание нашу зарубежную командировку, опасаюсь паспортного контроля, учиняемого властями в церкви.

– Я найду, как всё устроить, – решительно утешила меня М.В. – Не отпускаю я вас некрещеными в чужую страну с чужой религией.

Она уехала в свой Подольск, а возвратившись через пару недель в Москву, с гордостью развернула передо мной сверток и показала детскую распашонку с кружевами и женскую рубаху, вышитую чудесной белой гладью.

– Подумай, какую подругу ты пригласишь крестной к Павлику. У тебя крестной могу быть и я, – сказала Мария Викторовна.

Я позвала в крестные к сыну свою близкую институтскую подругу Любаню. Конечно, мой выбор был не случаен. Любани мне рассказала однажды, что её бабушка перед смертью призналась, что когда Любани и её младшая сестренка Лариска были совсем маленькими, она без ведома родителей! окрестила их обеих. Узнав, что она крещеная, моя подруга, не говоря об этом никому, стала бывать в церкви. Любани и меня, некрещеную, однажды повела в церковь, где мы перед экзаменом поставили свечи к иконам, и нам это помогло не завалить весьма чуждую для нас из-за прогулов теоретическую фонетику. Конечно, в кругу сокурсников мы умолчали, что перед экзаменом зажигали в церкви свечу. Это стало нашей, сближающей нас обеих тайной, которой мы ни с кем не делились. Примечательно, что свеча не только помогла

на экзамене, но и каким-то образом усовестила нас. Мы, две закадычные прогульщицы, перестали время от времени вместо первой лекции в институте посещать ранний киносеанс в кинотеатре «Аврора». На десятикопеечном сеансе в 9 утра народа бывало достаточно, и при этом там ощущалась особая атмосфера, дружеское взаимопонимание – «все свои», так как у каждого кинозрителя в руках была либо сумка с книгами и тетрадами, либо портфель. Именно тут Любаня познакомилась со своим будущим мужем. Впрочем, Виктор, тогда уже почти краснодипломный выпускник МАИ, оказался там случайно.

Мария Викторовна привезла нас к своей знакомой, бабе Дусе, так нам сама представилась крошечная очень бодрая старушка в белом платочке. Кроме нас там была еще одна мама с девочкой дошкольного возраста и женщина постарше – крестная для девочки и её мамы. Баба Дуся пригласила нас в маленькую комнату, где в углу, как положено, висела икона с лампадой. Рядом на стене располагались ещё несколько икон и среди них две замечательных, старинных (насколько я могла разобраться в этом) в красивых темных окладах.

– Сам Спаситель, Тихвинская икона Божией Матери с Младенцем, Николай Чудотворец, – объяснила нам иконы баба Дуся. Она строго спросила каждую из нас, подготовились ли мы, и, получив утвердительный ответ, подвела нас к столику, покрытому белой крахмальной скатертью, где уже было приготовлено всё необходимое.

Обряд крещения проводил молодой священник, отец Леонид, как позднее мне объяснила М.В., племянник бабы Дуси. Не буду описывать всё подробно, так как не очень разбираюсь во всём и поэтому опасаясь назвать что-то не теми словами. Баба Дуся помогала отцу Леониду строго и торжественно. Мы в трепетном волнении исполняли то, что велел нам отец Леонид, не испытывая вовсе никакого страха. Даже Павлик вел себя хорошо, не капризничал. Отец Леонид произнес напутственные слова:

– Крещение – важнейшее событие в вашей жизни. Оно знаменует для вас начало новой жизни, угодной Богу.

Октябрьский день был на удивление солнечным и теплым. Солнечные лучи насквозь пронизывали комнатку бабы Дуси, где совершалось замечательное таинство. А когда мы возвращались домой и шли через сквер к остановке трамвая, воспетые всеми поэтами осенние листья празднично шуршали у нас под ногами. Иногда они осыпались с деревьев, и, падая, будто осеяли нас щедрым осенним золотом.

– Вот и Сам Господь поздравляет, – сказала Мария Викторовна.

Мне и прежде нравилось заходить в церковь, но там на меня всегда находила робость. Когда я пришла в храм после крещения, моя робость куда-то исчезла. Я ходила по церкви, подходила к разным иконам. Они были пока неизвестны мне, но уже и не чужды. Казалось, я не впервые знакомилась с ними, а узнавала их дальнейшей памятью. Как будто я вернулась туда, где мне следовало быть по праву, куда я очень стремилась, но долго не могла попасть. Словно Дюймовочка после долгого пребывания в подземной норе крота вдруг оказалась в кругу себе подобных существ, среди цветов на ярком солнце. Я ходила по церкви и была счастлива пока непонятным мне новым счастьем. Новая радость и ликование от того, что осуществилось заветное желание, настолько мощно распирали моё сердце, что оно уже просто не умещалось в моей грудной клетке. Я всё время улыбалась.

– Часто вижу, как люди плачут у икон или просят чего-то, а ты ходишь по храму, и глаза твои светятся. Видно, с радостью пришла. Это хорошо! – со мной заговорила приземистая, совершенно согнутая на один бок немолодая женщина в монашеском одеянии.

В первый раз я увидела в Москве своими глазами настоящую монахиню. Мне было приятно, что она заговорила со мной.

– Я наконец-то и сама приняла крещение, и окрестила маленького сына. Вот и рада, что осуществилось то, чего давно желала, – объяснила я.

– Поздравляю тебя и твоего сынишку! Господь с тобой! – она перекрестила меня. – Постой-ка, подожди меня здесь, – сильно припадая на один бок, она поковыляла куда-то в глубину церкви. Мне она казалась очень симпатичной и доброй. Монахиня вернулась и протянула мне совсем маленькую, меньше ладони икону.

– Прими от меня подарок, – сказала она. – Это Тихвинская икона Божией Матери. У тебя ведь нет иконы, вот и возьмишь её с собой в дорогу.

– Что мне нужно сделать? – почему-то спросила я, совсем не удивившись, что она знала про предстоящую дорогу.

– Нужно свечи зажечь, да помолиться, – ласково сказал она и, снова перекрестив меня, удалилась по своим делам.

Я спохватилась, что не купила свечи, и пошла к свечному ящику. Монахиню я больше не видела.

Сейчас, когда я вспоминаю об этом, мне представляется весьма закономерным, а вовсе не удивительным, и моё крещение, и Тихвинская икона сначала у бабы Дуси на стене, а затем и у меня на ладони, и неожиданное благословение от монахини. И всё произошедшее я воспринимаю, как замечательное предзнаменование в начале моей взрослой самостоятельной жизни. Спасибо, Тебе Господи!

Наше начало в Багдаде.

Через два месяца, встретив меня и Павлика в багдадском аэропорту, муж сказал:

– Извини, здесь совсем не сказка. Я и сам не ожидал такого. Жара, работа, дисциплина. И никаких следов Шахерезады в этом сером бетонном городе!

Но я не из пугливых, да и на сказку особенно не рассчитывала. Прежде всего, мне сразу понравилось, что теперь у нас совершенно самостоятельная жизнь. Свобода, свобода! Жизнь без привычного давяще любящего родительского диктата, а также, наконец-то (ура, ура!), без постоянного трепета по поводу зачетов, экзаменов, и проч. Самостоятельность началась в весьма неплохих условиях: нам предоставлена отдельная квартира, у нас собственный заработок, мы имеем возможность увидеть, как люди живут в другой стране. Для меня это гораздо интереснее, чем, когда муж находится, видите ли, в Лондоне, самой сидеть в доме его родителей с ребенком, имея основным событием-впечатлением походы в детскую поликлинику: ах, сколько вы прибавили в весе, какой у вашего младенца сон, регулярный ли стул. Это всё, конечно, важно для ребенка и для меня как матери. Я люблю своего кроху, но всё-таки я совсем не Наташа Ростова в последних главах «Войны и мира». Мне этого не достаточно.

Сначала о нашем быте, потому что моя жизнь за границей состоит пока что только из этого.

Семьи советских специалистов проживают в новом четырехэтажном многоквартирном доме. Каждая квартира состоит из просторного холла-гостиной, спальни, кухни со всем необходимым и санузла. На потолке в гостиной вращаются лопасти огромного вентилятора. Дверь холла выходит в общий широкий коридор. Детям не разрешается носиться по этому коридору. Они выходят гулять на полянку – специально выгороженную зеленую площадку у дома, где для них установлены качели, горки, песочница. На полянке сложены раскладные кресла, которыми можно пользоваться, если хочется побыть на зелёной территории с детьми, либо просто пообщаться друг с другом. Уходя, следует поставить кресло на место.

Мне совсем не нравится сидеть на этой полянке, но из-за Павлика приходится, детям тут удобно гулять. В нашем доме почти у всех дети дошкольного возраста. В первой половине дня,

пока еще не очень жарко и пока мужья на службе, женщины посиживают здесь с вязанием, болтовней и непременными сплетнями. Основная тема: кто сколько тратит, кто что купил, кто умеет торговаться, а кто для этого недостаточно хитроумен. К часу дня все расходится по своим квартирам, так как наступает нестерпимая жара и пора готовить обед. В начале четвертого автобусы привозят усталых военных советников домой. Их напряженный рабочий день начинается здесь с шести утра. В послеобеденные часы в нашем доме (как и во всем городе до восемнадцати часов) устанавливается тишина, почти все спят. Вечером желающие снова выбираются на полянку. Опять те же разговоры и часто препирательства по поводу поведения детей.

Таким образом, наше пребывание здесь весьма однообразно. Близких друзей у нас пока нет, хотя мы сблизились с одной семьей английского переводчика, которая живет в нашем доме этажом выше. У них тоже маленький ребенок. Некоторые знакомые моего мужа по его Институту международных отношений обнаружили в посольстве и торгпредстве. Но это всё далеко от нашего дома, часто общаться не просто. Можно отправиться на прогулку по двум близлежащим улицам, однако с Павликом далеко не уйти. Ему очень нравится, держа нас за руки, уверенно вышагивать между нами, но он ещё мал для продолжительных расстояний. К тому же нас постоянно предупреждают, что здесь своеобразная санитарная обстановка: грязь, микробы, бактерии и прочее. Поэтому с ребёнком лучше поменьше бывать в людных местах.

Недалеко от нашего дома располагается офис руководства. Это двухэтажный особняк, где на первом этаже имеется зал – небольшое помещение с роялем и кабинет генерала, а на втором этаже проживает генерал с супругой. Генералу нравится, когда люди собираются по вечерам на полянке у офиса пообщаться, поиграть в шахматы. Иногда там показывают советские фильмы.

Описываю столь подробно, так как для нас с Володей всё это наши будни, такова наша жизнь за границей, куда все стремятся за деньгами, за карьерой, за новыми впечатлениями.

Новые знакомые

Событием для всех является отъезд в Союз тех, у кого закончился срок пребывания в Ираке, и приезд новых людей. Все дружно провожают к автобусу отъезжающих, и охотно знакомятся со вновь прибывшими.

На этот раз момент прибытия новой группы специалистов должен был носить несколько официальный характер, поэтому для встречи в аэропорт направился самолично генерал, его помощник и офицер с иракской стороны. Когда генерал увидел на небольшом поле багдадского аэропорта группу прибывших советских людей, сохранить самообладание ему помогла его военная выдержка. Он сказал иракскому офицеру, что его люди не прибыли, настойчиво пригласил его к себе в машину и увез из аэропорта. Его помощник самостоятельно усадил прилетевших в автобус и доставил в офис.

Прибывшим семи офицерам генерал велел выстроиться, а их женам сесть не предложили. Некоторое время он, молча, прохаживался вдоль строя своих подчиненных, одетых так, словно они отправились не в заграничную командировку, а на картошку в соседний совхоз. Затем генерал указал всем на прилетевшую вместе с группой пару, которая стояла чуть поодаль. На молодом человеке был добротный замшевый пиджак и стремительно входящая в моду белая водолазка, а его жена, изящная худенькая женщина, была в нарядном строгом костюме с юбкой слегка выше колен. Лаковые туфли на каблучках и в тон к ним сумочка. Их багаж состоял из двух объемных аккуратных саквояжей. К тому же молодой человек держал в руках зачехленную гитару.

– Представьтесь, – скомандовал генерал.

– Вольнонаемный переводчик арабского языка Плотвин Глеб Алексеевич. Моя жена – Плотвина Эльвира Гансовна.

– Посмотрите, – обратился генерал к разномастному строю офицеров, – вот так нужно ездить за границу! – он указал на переводчика с женой. – Вот так следует представлять за рубежом нашу замечательную родину – Советский Союз. В хорошем пиджаке и с гитарой!

Пару дней на полянке основной темой разговоров было то, в каком виде прибыла группа специалистов из маленького белорусского гарнизонного городка. Какой выговор они получили от генерала за то, что свои полученные в Москве специально для заграничной командировки новые гражданские костюмы (вместо обычного военного обмундирования), они сразу же отправили посылками домой в родные Бобровичи, а в неизвестную чужую страну отправились в таком, что не жалко будет там и выбросить. На полянке обсуждалось, что генерал приказал прибывшим сразу же на выданный аванс купить новые рубашки, приличные кофточки-юбки, обувь и сумки, чтобы было в чем и с чем ходить на службу, в магазин и на базар за продуктами. Женсовету было велено помочь прибывшим женщинам разобраться с бытовыми вопросами.

– Вы знаете, у одного из них для дорожного багажа вместо чемодана был заплечный мешок, сделанный из полосатой оболочки старого матраса! – осуждающе гневно сообщала всем Тамара Леопольдовна, председатель женсовета.

Признаюсь, я тоже посмеивалась над этими людьми. Конечно, на полянке обсуждалась и пара из Ленинграда:

– Сразу видно, что они люди интеллигентные, это свойственно всем ленинградцам. Надо же, приехали с гитарой!

Элегантную пару поселили сначала в гостинице, а через два дня они переехали в соседнюю с нами освободившуюся квартиру. Оказалось, что мой муж и новый переводчик-арабист Глеб Плотвин назначены переводить курс лекций для офицерского состава. В первый же вечер мы пригласили новых соседей и коллег, ещё не успевших толком расположиться в своей квартире, к нам на ужин. Следующий день был пятница – выходной, поэтому мы все вместе отпра-

вились в город показать Плотвиным, где что по близости находится. Вечером мы получили приглашение к ним. Таким образом, у нас началось новое знакомство.

Из записей Татьяны Петровой

В Москве нас волновало, какие впечатления ждут нас за границей, в другой стране с другой культурой, о которой нам было что-то известно только по сказкам «Тысячи и одной ночи». Безусловно, впечатлений много, причем самых разных. Но мои опыты здесь – это не столько узнавание страны и жизни другого народа, сколько чисто внешние визуальные впечатления от многократного посещения нескольких торговых улиц и базара-сука. Повседневная жизнь протекает в рамках нашего родного социума, и главное не то, что нам довелось увидеть, а то, какие люди оказались рядом. Мне кажется, нам повезло с новыми соседями. Мы подружились с Плотвиными не только из-за того, что наши квартиры близко. Нам интересно друг с другом. А для меня это очень важно! Каково, после суматошной и насыщенной событиями студенческой жизни вдруг окунуться в будничные разговоры-переборы тёток об уборке, готовке и завистливые обсуждения чужих покупок! Я стараюсь поменьше в этом участвовать. Спасаящим (для меня) от сплошного быта моментом является то, что во многих магазинчиках здесь можно найти что-нибудь приличное из книг на английском языке, всё-таки в Ираке английский – второй государственный. В киосках достаточный выбор прессы из разных стран, и наконец-то есть возможность почитать и полистать европейские газеты и журналы, которые в Москве нам были известны лишь своими названиями и тем, что они – буржуазные.

Глеб может рассказать что-то интересное о Ближнем Востоке, об обычаях, ведь у него соответствующее страноведческое образование по профилю арабского языка, да и Ирак – не первая ближневосточная страна, где ему довелось побывать.

Когда мы все вместе (включая Павлика) во время вечерней прогулки заходим в магазин, Глеб сначала здоровается, не спрашивая никогда продавца сразу о том, что нам нужно. По арабскому обычаю он задает хозяину лавки вопросы про жизнь, затем сам отвечает на какие-то вопросы, неспешно рассматривает то, что его интересует, снова долго беседует. И лишь потом начинает выяснять цену. Торговля и сбивание цены здесь традиционная, почти обязательная часть торгового диалога. Мне кажется, этот процесс доставляет удовольствие, как покупателю, так и продавцу.

Эля, видимо, хорошо понимает детей и умеет с ними обращаться. Мой Павлик просто льнёт и тянется к ней. Она предложила иногда оставлять его на неё, если нам с Вовкой нужно отправиться в магазин или даже (!) в кино! Тут в наших местных специфических условиях поход в кино – это почти выход в свет. От Эли я получаю и немало полезных советов по ведению домашних дел. Я не являюсь образцовой хозяйкой, не имею опыта, ведь моя свекровь брала на себя многие хлопоты по уходу за маленьким ребенком, и спасибо ей! разгружала меня, чтобы я смогла с младенцем на руках закончить институт.

Я попросила Глеба помочь мне написать русскими буквами некоторые арабские фразы. Не успел Глеб что-либо ответить, как мой дорогой муж сказал: «Зачем это тебе? Ты будешь ходить повсюду только со мной. Говорить буду я по-английски, а тебе нужно, вообще, молчать». Пустяк, наверное. Может быть, своего рода забота обо мне, чтобы со мной ничего не случилось в чуждой среде. Но с другой стороны, новый интересный нюанс в дорогом супруге: тебе лучше вообще молчать... Конечно, я слышала о церковном наставлении: да повинуется жена мужу своему. Но насколько буквально это следует понимать? Не имея конкретного ответа на данный вопрос, я не стала придавать ему большого значения и, непринужденно, «не заметив» указания мужа, стала всё-таки называть слова и фразы, необходимые мне для простого общения, например, в магазине, и Глеб мне продиктовал их арабский эквивалент. Теперь у меня есть свой словарик-разговорник. Мне кажется, что это интересно, как первый неболь-

шой шаг в узнавании страны. Тем более что нам не разрешается никуда ни далеко ходить, ни ездить.

Дружеские вечера.

Какое же замечательное человеческое свойство – дружба!

Наши совместные вечера по четвергам (пятница выходной, нет раннего подъема на работу) стали уже традиционными. Собираемся у Плотвиных или у нас. Не устраиваем большого ужина: легкая закуска, фрукты, немного выпивки. У меня обычно бывает просто, как в студенческой компании, когда всё сразу на столе, а далее без особых приглашений, по принципу: хватай, кому что нравится. Но у Эли не так. Она умеет мило сервировать стол даже по самому незначительному поводу. Для каждого участника застолья у неё предусмотрена под закусочную тарелку красная или синяя льняная салфетка (привезла с собой из Ленинграда!), а также специальный маленький ножичек для фруктов. Несмотря на то, что в нашем многоквартирном доме на каждой кухне имеется вся необходимая посуда, Эля купила для постоянного пользования веселые разноцветные стаканы, крошечные стопочки с графинчиком и чайные чашки из французского матового стекла. И получается, что одинаковые кухонные комплекты навевают одинаковый стандартный казенный вид, а у Эли – всё индивидуально. Тут многие живут в постоянной экономии, иногда переходящей в жмотство ради того, чтобы быстрее накопить на машину и закупить всякого добра для будущей жизни. Уж если кто-то что-то покупает, то бережет и прячет это для своего родного дома. А Эля живет уже здесь, сейчас, не откладывая на потом, эти отведённые ей в Багдаде два года.

Иногда мне кажется, что Эля знает какой-то важный жизненный секрет или обладает некой скрытой умудрённостью.

Наша компания время от времени разбавляется ещё кем-нибудь. Чаще других к нам присоединяется Фёдор Векшин. Он также переводчик, закончил переводческий факультет нашего Института иностранных языков им. Мориса Тореза. Он холост, поэтому его часто посылают в командировки по стране. Ему приходится бывать в разных районах, но, к сожалению, нельзя сказать, что он хороший рассказчик. Его рассказы о других городах и областях Ирака весьма скупы и сводятся к тому, что климат тяжелый, что условия плохие, обучаемые тупы, а инструктора порой не намного лучше. Переводчику приходится сначала самому во всех подробностях выяснять, что же хочет преподавать инструктор, а уж потом переводить это другим. Лишь лёгчики вызывают у него восхищение.

У Эли оказались с собой две фотографии, на одной они с Глебом сидят на скамейке в Летнем саду, на другой Глеб запечатлен в период службы в армии. Солдаты-музыканты стоят «вольно», опустив свои инструменты.

– А это кто? – спросил Федя Векшин, указав на солдата с трубой.

– Это мой армейский товарищ Димка Власов. Можно сказать, под его влиянием я выбрал себе факультет в университете. Но мы с ним потеряли друг друга. Я демобилизовался раньше, и не знаю, как у него в дальнейшем сложилась жизнь.

– Зато я знаю, – сказал Векшин, – ну дела! Какие же бывают совпадения. Это ведь мой сокурсник. Мы вместе учились на переводческом факультете. Я не догадывался, что он ещё и музыкант. Учился как зверь! Старался изо всех сил! Зарабатывать переводами начал ещё в институте. Он сейчас в Алжире.

Мы часто говорим о том, что будем делать, когда вернемся домой. Мой муж мечтает работать в Европе, например, в Лондоне. Иногда он вдруг заявляет, что ему совсем не хочется заниматься тем, к чему его готовили в его институте – международной и всякой прочей экономикой. Ему хотелось бы попасть на телевидение и делать международные программы о спорте. Он любит спорт и может подолгу рассказывать истории о спортсменах или рассуждать о тех-

нологии постоянно обновляемых рекордов. Володя считает, что в спорте человек имеет возможность «предельно себя реализовать» – это его выражение. Ещё он считает, спорт интересен азартом: кто кого! и тем, что дает мирный выход внутренней человеческой агрессии, демонстрируя безграничность и непредсказуемость физических и волевых возможностей человека. А международные соревнования, по его мнению, вызывают у большинства людей общечеловеческое дружелюбие. В общем, мой муж по своим взглядам на «Citius, altius, fortius!» совсем как Пьер де Кубертен.

Глеб поделился, что собирается переключиться на журналистскую стезю, но с первого захода с работой в ТАСС у него не получилось.

– Ну, кто так делает?! – усмехнулся Векшин. – Нужно обязательно заручиться какой-нибудь рекомендацией, официальной или дружеской. Я удивляюсь, как ты вообще дошел до нужного кабинета. Хотя, впрочем, может быть, именно в нужный кабинет ты и не попал. Если твои планы насчет международной журналистики останутся неизменными, и вы с Эльвирой будете готовы перебраться в Москву, я сведу тебя с нужными людьми.

У Векшина, кажется, повсюду есть нужные знакомые, которые с радостью отзовутся на его призыв помочь кому-то. Я собралась купить себе красивый фен для сушки волос «Филипс».

– Пока не покупай, – вмешался Фёдор, – в Багдаде высококачественный «Филипс» стоит дорого. Я договорюсь с другом, который часто бывает в Кувейте, он купит там для тебя такой фен почти в два раза дешевле.

– Что за друг?

– Большой человек, живет в отдельном особняке. Представитель Совэкспортфильма на всем Ближнем Востоке, поэтому разъезжает тут по всем странам.

– С какой стати будет он морочить себе голову феном для меня? Покупать, тащить из одной страны в другую.

– Тащить ему не трудно, он повсюду ездит на своей машине с водителем. А ты, чтобы не остаться в долгу, тоже окажешь ему услугу. Когда поедете в Москву в отпуск, захватишь от него посылку: такой же фен или маленький магнитофон. Тебе не трудно, а ему приятно, что может что-то послать своим родственникам или друзьям.

Квартирный вопрос – также частая тема нашего обсуждения. В Багдаде мы живем в неплохих квартирах, и я была бы рада иметь нечто подобное в Москве, чтобы не зависеть от родителей. О квартире в Москве думают и Плотвины, если Глебу удастся попасть на работу в ТАСС. Конечно, Векшин сообщил, что у него есть знакомый, вернее, родственник мужа его сестры, который имеет отношение к Моссовету. И через него можно найти подходящий жилищный кооператив.

Эльвира – воспитатель

Мне нравится, что мы подружились с Плотвиными. В них действительно есть то, что принято называть ленинградской интеллигентностью. Это с одной стороны, приветливость и отсутствие заносчивости по отношению к людям, а с другой стороны, вежливость как некий разумный барьер, не допускающий в свой собственный мир.

Эля умеет притягивать к себе людей, хотя на первый взгляд в ней нет ничего броского или особенного. Она никогда не разговаривает громко, никогда не высказывается о других людях категорично отрицательно, всегда приветлива и сдержанно вежлива. Конечно, у неё по-ленинградски хлеб – булка, а подъезд – парадное.

Одним рейсом с Эльвирой и Глебом, в той самой группе специалистов, которой генерал дал разнос за внешний вид, в Багдад прибыла пара из Бобровичей: Зоя и Леша Степановы. Зоя – молодая довольно толстая особа. Но она напоминает не переедающую толстушку, а женскую фигуру с некоторых картин Пикассо: некрупно монументальная и округло прочная. А Леша почти такого же, как и его жена, небольшого роста, но худенький и даже щуплый. У них маленькая девочка, которую из-за необыкновенной подвижности все зовут Мушка. Девочка все время вьется вокруг своей мамы, опасаясь улететь далеко. Ей уже исполнилось два года, но она ничего не говорит. Даже обычное «мама, папа» никогда не произносит. Зоя и сама неразговорчива. А от Леша я и вовсе не слышала ни разу ни одного слова. Зоя – ближайшая соседка Эли, поэтому она часто заходит к ней «учить рецепты». Эля умеет хорошо готовить, не отказывая себе в необходимом и приятном, но при этом, не впадая в транжирство. Ясно, конечно, что осваивание кулинарных тонкостей – для Зои лишь предлог, чтобы не по-деревенски беспричинно-запросто заходить к соседке. Зоя смотрит на Элю с уважением, переходящим в обожание. Мушка по обыкновению вьется вокруг мамы и молчит. Эля задает девочке разные вопросы, но та не отвечает. Но когда Эля обращается к ней с чем-нибудь типа: «Дай мне, пожалуйста, вон ту ложку!» «Принеси, пожалуйста, стаканчик», – она выполняет её просьбы с большим рвением.

– Мне женщины на полянке говорят, может быть, она у тебя немая, – сетует Зоя. – Говорят, тебе нужно проверить её у врачей. А как вы думаете? – спрашивает она Элю.

– С ребенком нужно больше разговаривать, – объясняет Эля. – Нужно рассказывать ей сказки, задавать вопросы.

– А она разве поймёт сказки-то? Ведь она ещё мала, чтобы понимать. Да я сказку только про колобок и помню.

– Про колобок и рассказывай.

– А ей-то интересно будет?

– Расскажешь, тогда и увидишь, интересно или нет.

Зоя задумывается, видимо, пытаясь вспомнить, что же там случилось с колобком.

Честно говоря, мне и самой нравится бывать у Эли.

Вчера я с Павликом зашла к Эле. Она готовила котлеты, а Зоя наблюдала за процессом, старательно запоминая технологию. Мне тоже нравится наблюдать, как Эля готовит, но не только из-за её рецептов. Кулинарный процесс у неё исключительно четкий, никакой лишней суеты, всё очень красиво и всегда порядок. Интригующим для меня моментом является то, что к концу кулинарного действия у неё на кухне не собирается гора использованных грязных кастрюль и сковородок, как бывает обычно у меня в процессе варки или жарки.

Мытьё посуды тут довольно хлопотно. У раковины два крана: из одного льётся настоящий кипяток, из другого – совершенно холодная вода. Нужно либо мыть в тазике, смешивая холодную воду и горячую, либо принаравливаться к своеобразным особенностям местного

водопровода. Я однажды сильно ошпарила руку, после чего мой дорогой супруг объявил, что мытьё посуды он берет на себя. Зачем мешать проявлению чьей-то инициативы? Я согласилась и, более того, доверилась его словам и обещаниям. Поначалу как-то ладилось. Мой дорогой Вовка становился вечером после ужина к раковине, и через пятнадцать минут тарелки, кастрюли, чашки и вилки сверкали влажной чистотой. Но буквально через два дня его энтузиазм как-то сбавился. В течение вечера он долго не реагировал на мои намёки и напоминания, и, наконец, нехотя подойдя к раковине со ждавшей его посудой, сказал:

– Да тут так мало! Стоит ли заводиться из-за пары тарелок? Вот поднакопится больше, тогда и перемою всё сразу.

Я стала старательно готовить для мужа поле бытовой битвы, складывая все использованные тарелки и кастрюли в большой таз. Но скапливаемая для глобального помыва посуда превращала мою кухню в большой бедлам и создавала массу неудобств, когда в этой немой горе требовалось вдруг найти какую-нибудь срочно необходимую ложку или чашку. Я поняла, что мне лучше отказаться от перспектив опрометчиво предложенного мужем сервиса и приноровиться управляться с кухонными проблемами самостоятельно. Но иногда я всё-таки оставляю что-нибудь и для Вовки, как бы – наиболее трудное! Но, честно говоря, делаю это исключительно в воспитательных целях. Все-таки женщина должна давать мужчине шанс выполнять его обещания!

Итак, мы у Эльвиры на кухне. Павлик занят новой машинкой, Мушка посматривает на него издали, но от мамы оторваться не решается. Мы с Зоей сидим как ученики, попавшие на мастер-класс, и внимаем советам, как готовить котлетный фарш и что делать, чтобы на кухне был порядок.

Мушка отклеилась от Зоиной коленки, за которую держалась, подошла к Эле и, указав на узкий белый батон, который тут называется самун, вдруг четко произнесла: «Дай хлеб!» От неожиданности онемели мы все. По тугой щеке Зои покатила слеза, и она принялась благодарить Элю за успехи в развитии Мушки.

– Я теперь буду молиться на вас, – заявила она.

– Молятся только на икону, – поправила её Эля.

– Это просто выражение такое – знак благодарности.

– Выражения следует употреблять правильно. И в знак благодарности не на какого-то обычного человека молятся, а Богу за него.

Интересно, может быть, Эля что-то знает и о религии? Жаль, что люди мало склонны обсуждать такие темы. У нас ведь всем внушается, что религия – удел отсталых, а вера – для слабаков. Поэтому многие стесняются признаться, что, как могут, ищут для себя Бога, что надеются на Него, а порой и молятся: «Господи помоги!». Для меня вера – тоже вопрос достаточно интимный, и я пока не тороплюсь с кем-то делиться и рассказывать о том, как волна счастья, именно счастья, возносит меня, когда я вспоминаю своё крещение.

Эля располагает Зою к доверительности.

– Я не люблю сидеть с женщинами на полянке, они всё время кого-то обсуждают, – заявляет Зоя. – Только увидят на Мушке новую заколку или бантик сразу спрашивают, где брала, почем.

– А ты поставь своё кресло в стороне и не принимай участия в их разговоре, если он тебе неприятен, – советует Эля.

– Они сразу поймут, что я их чураюсь. Будут обсуждать и меня.

– Ты возьми с собой на полянку вязанье или книгу, у тебя будет своё занятие. Поиграй с Мушкой в мяч или в песочнице поковыряй совочком. Матери нужно уметь играть с ребёнком, не только бантики ей завязывать.

Бантики – слабость Зои. У Мушки светлые кудрявые волосы, и любящая мамаша постоянно украшает их всевозможными заколками и бантиками, благо, здесь их большой выбор и продаются они во всех магазинах. Зоя не обижается на Элю за поучения, она даже рада их слушать. Иногда ей хочется рассказать что-то и о себе.

– Женщины посмеиваются, что я толстая. Я ещё в школе начала заниматься спортом: и плавала, и в волейбольной команде играла. Я ведь кандидат в мастера спорта, – сообщает она, – мы с Лешей познакомились на сборах, он бегал на короткие и длинные дистанции. Мы мгновенно увлеклись друг другом, поженились, я забеременела, родила. Спорт бросила и сразу поменялась в размерах. Но я не так толста, как другие. У меня в теле не жир, а уплотненная мышечная масса, очень высокий тургор. Вот потрогайте!

Зоя подставляет Эле свою руку. Та надавливает пальцем возле Зоино локтя и ведёт его выше к плечу. С удивлением обнаруживает, что палец совершенно не проминает поверхности Зоинной руки. Зоя подставляет и мне свою руку. Мне кажется, что мой палец скользит по упругому замечательно отполированному мрамору, но не холодному, а прохладно теплому. Мы с Элей обмениваемся удивлёнными взглядами. Даже при сильном нажатии невозможно хотя бы слегка продавить Зоину кожу. Зоя удовлетворена произведенным эффектом.

С Элей она, случается, и откровенничает:

– Леша меня любит, – сообщает она. – Он с виду небольшой, но очень сильный. Он может меня прямо из ванны достать и на руках отнести в спальню, – говорит она с радостной гордостью, – да ведь и я его тоже люблю. Я про это не рассказываю на полянке. Найдется, кто и завидовать начнёт.

Наши разговоры и мечты.

У Векшина странная привычка. Когда он слушает песни на английском языке, он непременно переводит слова песни на русский. Том Джонс поет: «Wy? Wy? Delilah», а Векшин сидит и бормочет: «Почему, почему, Дилайла?»

– Федя, у тебя склонность к синхронному переводу. Может быть, тебе следует податься на Высшие курсы переводчиков ООН при нашем институте? Закончишь их и будешь синхронить в Нью-Йорке или в Вашингтоне, – сказала ему я.

– Ты когда-нибудь сидела в кабине для синхронного перевода? Знаешь, что чувствует человек после нескольких часов такой работы? Мозги плавятся. А из-за чего? Работал я на синхроне от Комитета защиты мира во время какого-то международного сборища. Половина ораторов произносят ничего не значащие слова или несут всякую чушь, лишь бы себя самого засвидетельствовать на международном уровне. А ты, сидя в тесной метр на метр душной фанерной кабине, с тяжелыми наушниками на голове всё это напряженно переводишь за ними. Нет уж! В Нью-Йорк или Лондон я попаду не через пыточную кабину синхронного перевода. «Мы пойдет другим путём!» – решительно отрезал он.

У Фёдора Векшина много рассуждений по поводу карьеры. Это, вообще, его любимое слово, хотя о своих дальнейших планах он не распространяется и никогда не конкретизирует свое представление о будущем. Его рассуждения скорее теоретические: какая анкета нужна для карьеры, какими деловыми качествами нужно обладать, как пользоваться связями и знакомствами. Сам он очень быстро знакомится с кем угодно. Но дружеские отношения, похоже, у него только с нашей небольшой компанией.

Дружеские вечера – самые приятные моменты нашей здешней жизни! Когда мы собираемся, Глеб берет в руки гитару, и они с Элей поют. У неё мягкий выразительный голос, он и в разговоре приятный.

Нам интересно и узнавать что-то друг о друге, и рассказывать о себе. Мы не совсем ровесники, но мы одно и то же поколение советских людей, выросшее в послевоенные годы. Эля

и Глеб родились перед самой войной, Векшин – дитя войны, а мы с Володей – первые послевоенные дети. У нас одинаковый уровень высшего гуманитарного образования, мы выросли на одних и тех же книгах и фильмах, учили в вузах одинаковые предметы, но мнения по некоторым вопросам иногда бывают разные.

Вчера вечером мы обсуждали, что нам передается от наших предков и что такое наследственность. В обозримом для меня прошлом все мои предки – представители провинциальной трудовой интеллигенции: учителя, врачи, инженеры. У моего мужа отец – дипломат, а мать домохозяйка, следующая за ним по свету. А вот дедушка Володи, отец его отца, был помором и жил на самом крайнем севере нашей страны. Так что мой свекор, прямо как Ломоносов, приехал с севера, поступил в университет и вот вам – стал большим человеком! Вывод: советская власть дает большие возможности для развития способных людей. У Векшина, оказалось, дед был известный на всю Москву закройщик мужского костюма, а отец – скромный бухгалтер. И вдруг Эля сказала: «Моя бабушка по отцу была фрейлиной Её Величества». Вот это да! Как интересно. При слове «фрейлина» я воображаю себе что-то из андерсеновских сказок. Я не решилась спросить у Эли, как же её бабушка вписалась в советскую власть. В нашей семье насчитывается много родственников, попавших под репрессии. Ещё Эля рассказала, что её отец был известным среди специалистов исследователем севера, полярником. На фронт его не взяли, так как он по отцу был финн. Как известно, Отечественной войне предшествовала белофинская кампания... В первые дни наступления немцев вблизи Ленинграда Элиных родителей, как и многих соседей, мобилизовали рыть оборонительные окопы. К дому подъехал грузовик, жители их дома уселись в кузов и поехали на рытье окопов. Домой никто не вернулся. Родственникам сообщили, что сразу же начался обстрел, и все погибли. Эля с младшей сестренкой и бабушкой (фрейлиной) была отправлена в эвакуацию. Когда вернулись в Ленинград, бабушка умерла. И Эля с сестрой оказались на попечении второй бабушки и даже сами по себе. Вот такая история. Глеб тоже дитя блокады.

О пирамидах.

– Я обязательно когда-нибудь поеду в Египет. Когда стану старой, я непременно отправлюсь к пирамидам, чтобы снова почувствовать бесконечность времени, их энергию и непонятную мощь, – задумчиво и мечтательно рассуждала вчера вечером Эльвира. – Около пирамид ощущение энергии настолько явно, что, кажется, оно даже способно вернуть силы и здоровье.

Эля на самом деле считает, что пирамиды обладают некой энергетикой, которую лично она конкретно уловила. Так ли это на самом деле, трудно сказать. Возможно, это лишь эмоции от увиденного и символическая мечта. Из нас пятерых у пирамид были трое: Володя, когда был два месяца на практике в Каире, и Эля с Глебом проездом по пути из Йемена в Ленинград. Мне бы тоже очень хотелось увидеть своими глазами эти сооружения, вызывающие столько впечатлений и даже особых чувств. Но не могу представить себе ситуацию, чтобы мечта об этом могла осуществиться. Интересно, удастся ли и мне когда-нибудь оказаться около сфинкса, загадочного существа с человеческой головой на теле животного?

Празднование Пасхи

– Давайте соберёмся своим кругом, только переводчики, и отпразднуем Пасху, – предложила Оля Колушкина.

Предложение прозвучало довольно неожиданно, тем более что исходило оно именно от Оли, жены переводчика Олега Колушкина, нашего комсомольского вожака. (Правда, по-местному – для иракцев – мы называемся «физкультурники», так как за рубежом не разрешается создавать никакие идеологические организации.) На эту, по моему мнению, формальную в наших условиях должность его назначил генерал, а мы лишь формально проголосовали «за» на нашем физкультурном собрании. Никакой идеологической или организационной работой Олег не занимается. Раз в месяц, а то и реже, мы собираемся, терпеливо выслушиваем занудные, просто ни о чем, речи нашего «физорга» и – главное! – сдаем членские взносы.

– Не влетит ли нам? – удивилась я. – Всё-таки Пасха – праздник церковный, а мы комсомольцы, то бишь физкультурники.

– Пасха уже давно радостный семейный весенний праздник, – заявила Оля, – его все празднуют. Меня вот и Маргарита Геннадьевна (это наша генеральша) спросила: «Оля, как ты думаешь, чем здесь можно покрасить яйца?»

Оля отличается исключительной домовитостью. Кажется, нет такого вопроса по кухонным делам, на который она не знает ответа. Как-то раз я отправилась с ней на сук и была поражена, с какой уверенной непринужденностью она выбирала местные приправы. Она внимательно, прямо как знаток, рассматривала их, перетирала пальцами, нюхала. Обходясь несколькими арабскими словами и примитивными английскими фразами, толковала с продавцом. Оля простовата, полновата, немного заикается, но ёе это совершенно не смущает. Она уверена в жизни и часто учит других. По специальности она машинистка и познакомилась со своим Колушкиным, когда что-то для него перепечатывала. «Увидела, п-парень он порядочный, с-спокойный. Надо за н-него выйти з-замуж», – такова в её изложении их лавстори. Возможно, её Олег вполне счастлив с доставшейся ему женой.

Однажды заболела их четырёхлетняя Мариночка. Я в это время зачем-то заглянула к Оле и была напрочь поражена, увидев прикрепленный к детской кроватке график температуры с замерами и отметками в графике три раза в день.

– Если кто-то болеет, Олег или Мариночка, я всегда так делаю, – сказала Оля, – записываю температуру, фиксирую прием лекарств и отмечаю изменения в состоянии.

Да, есть женщины в русских селениях! Тогда на суку она мне сказала:

– Сразу видно, что ты не х-хозяйка. Смотри, какие симпатичные к-кастрюльки, а ты и внимания на них не обратила.

Так при содействии Оли были куплены эмалированные яркие китайские кастрюльки-мисочки. Не имея ручек, они удобно складываются одна в другую. Ну вот! Начала рассказывать про празднование Пасхи, а отвлеклась на какие-то кастрюльки. Что поделать, в конце концов, быт – важная составляющая нашей жизни, поэтому, возможно, и к кастрюлькам не стоит относиться заносчиво. Кое в чем и с Оли надо брать пример!

И Наташа, и Галя, и я предварительно получили от неё задания, что приготовить к столу. Мне достался салат «оливье», при этом Оля начальственно объяснила, как именно следует всё нарезать, какой формы должны быть кусочки компонентов салата. Якобы так написано в книжке классической кулинарки Елены Малоховец. И где она только видала в наше время такую книжку!

Пасху праздновали в квартире у Колушкиных. Собрались в 9 часов вечера после того, как все уложили детей спать. Эльвира сначала отказывалась от участия в общем застолье, ссылаясь на плохое самочувствие. Но, по-моему, она просто-напросто в глубине души не очень жалуется

Олю. Мне Эльвира сказала, у вас там своя физкультурная компания, а я из комсомольского возраста уже вышла. Но, в конце концов, они с Глебом пришли тоже, чему я была рада.

Праздник получился очень хороший. Оля очень красиво покрасила яйца и, конечно, испекла кулич! Ну, кто ещё сумел бы это сделать! И хотя именно в таком составе (по Олиной инициативе и её приглашениям) мы собрались впервые, было тепло, радостно, доверительно. Никто самодовольно не кривился, объявляя себя образованным и принципиальным атеистом. Всем нравилось произносить вслух: Христос воскрес! После нескольких тостов вспомнили, что есть выражение «знать как Отче наш», т.е. знать обязательно, как само собой разумеющееся, как необходимое и важное. Но кто из нас знает «Отче наш»? – Никто! Миша К-ий сказал, что он знает по-английски. Но произнёс только: «Our Father which art in heaven, Hallowed be the name. The kingdom come...», – а дальше текст воспроизвести не смог, запутался. Рассказал, как его друг (а может быть, он сам?) ездил в качестве переводчика с каким-то деятелем в Дюссельдорф. В отеле на прикроватной тумбочке он обнаружил «Новый Завет», изданный одной книжкой сразу на немецком, английском и французском языках в удобном формате на замечательной тонкой бумаге. Друг прихватил книгу с собой. Когда уже в самолёте тайком раскрыл её, то первое, что прочел, был вложенный листок: не забирайте эту книгу, оставьте её в гостинице. Если она вам нужна, напишите нам, мы вышлем вам на любом языке. Друг Мишки (или он сам?) послал запрос, конечно, указав не свой адрес, а своей мамы, живущей в Крыму. Но мама так и не дождалась заказанного издания, то ли ей не выслали, то ли оно потерялось в почтовых перегонах. Наташа (она актриса по образованию) саркастически пропела Михаилу: «Я Вас обязан известить, что не дошло до адресата письмо, что в ящик опустить *не побоялись* Вы когда-то». И мы все согласились, что, скорее всего, уже сам запрос застрял где-то у нас, не дойдя до границы.

Праздник наш прошел замечательно, мы даже потанцевали. Плотвины ушли раньше всех, у Эли разболелась голова или она была не в настроении. На следующий день Оля без всякого стеснения раздала все крашеные яйца детям в нашем доме.

Я поделилась с Элей, что, окажись я на месте друга Михаила (или его самого), я бы тоже, пусть это и нехорошо, прихватила бы из гостиницы «The New Testament» – «Das Neue Testament» – «Новый Завет». Очень хочется на любом доступном мне языке узнать, что же это за книга. Ведь Новый Завет – Евангелие – в переводе с греческого означает благая весть, то есть радостное, хорошее известие.

Вдруг я слышу от Эли:

– Я знаю полностью «Отче наш».

– Отчего же ты не прочла этого для нас?

– Вы напоминали мне расшалившихся детей. А молитва это не стихи на детском утреннике. Она должна быть уместна.

Тут я с Элей не согласна. Разве мы виноваты в своей религиозной малограмотности, в том, что не знаем ни молитв, ни правил? Наш объем знаний по этой теме соответствует только почерпнутым из классической литературы сведениям. Все мы что-то чувствуем, но ничего не знаем. Я думаю, каждый ощущает в глубине своей души потаённое пространство, которое просится быть наполненным особым чувством, знанием, надеждой – словом, всем тем, что складывается в понятие «Вера». У самой Эли хоть и совершенно не религиозные, но, тем не менее, смутно мистические представления связаны с пирамидами.

А вот Галя К-ая мне рассказывала, как побывала тут в Багдаде в Золотой мечети. Их с Мишкой туда тайно водил иракский офицер как бы на экскурсию. При этом Гале пришлось закутаться с головы до ног в черную абаю. Я спросила, не страшновато ли было в чужом месте и в чужой одежде.

– В это время в мечети было совсем пусто, на нас никто не смотрел, поэтому бояться было нечего. Наш Алёшка никак не может выкарабкаться из простуд, так я там хоть Богу помолилась о здоровье ребёнка.

– В мечети?!

– Да, в мечети. Это всё-таки место, где Бог присутствует. Например, в нашем городе, где я выросла, церкви вообще не предусмотрены, никакие. Потому что город молодой и индустриальный. Я подумала, арабы здесь по-своему молятся, а я буду по—своему. Как могла, молча, про себя, обратилась к своему, к нашему Богу.

Я никому не рассказываю про свою маленькую Тихвинскую икону. Видимо, мамино «Таня не болтай, папу могут посадить», оставило в моём сознании прочную зарубку. Но когда я её достаю, мне вспоминается пронизанная солнцем комната бабы Дуси, нарядные осенние листья и согбенная монахиня. Я всматриваюсь в грустный лик Богородицы, гляжу на её Сына, нашего Бога, и у меня в сердце снова поднимается непонятная радостная волна, на лице появляется улыбка. Само собой мысленно произносится «Спасибо, Тебе Господи!»

По мнению Глеба, Олино отношение к вещественным символам праздника (крашеные яйца) без конкретного понимания его сути отдаёт язычеством. Я теряюсь, не могу подобрать аргументов, чтобы на это что-то ответить. Можно согласиться, что язычество – простая религия, в которой человек интуитивно сознаёт, что существует нечто властное и могущественное, от чего зависит ход его жизни. И он старается жертвоприношениями добиться благосклонности своего властного божества. Но в христианстве по-другому. Нужно осмысливать свою веру, быть причастным к своей религии, знать конкретную последовательность событий. Ведь христианство – не только вера, но и нравственно жизненный закон с точки зрения заповедей.

Среди моих знакомых нет никого, кому бы довелось увидеть, да, хотя бы увидеть! Библию. Мы, наше поколение, не понимаем многих сюжетов в живописи, так как не знаем соответствующих им библейских тем. Мы не имеем ни малейшего представления, что это за наука такая – богословие. Мы не знаем молитв. Мы не знаем названий икон. Почему подобные знания или простые сведения об этом у нас недоступны и даже запретны? Кому это мешает? Или кому-то нужно такое положение вещей.

Город Багдад. Из записей Татьяны Петровой

Как быстро летит время! Подумать только, прошли почти два года. Мой Павлик из годовалого младенца, каким я его сюда привезла, превратился в симпатичного разумного малыша. Он хорошо говорит, знает много стихов, любит рисовать. Он редко капризничает, в общем, мой мальчик меня радует.

Володе предлагают остаться здесь еще на год. Мы, конечно, согласимся, хотя мой муж и жалуется, что из-за жары ему тяжело работать, да и сама переводческая работа – совсем не его дело. Мне-то с домашними делами проще. Мне нравится размеренный ритм нашей здешней жизни и определенный уровень семейного достатка, который, мы надеемся, обеспечит нам на ближайшее будущее какой-то экономический фундамент.

К местному климату мы приновились, и нам уже давно не кажется чужим этот город из серого бетона. Мы привыкли к своеобразным запахам и звукам улицы. Мы полюбили прогуливаться вдоль реки Тигр, быстро несущей вдаль свои темные воды, и слушать скрипучий шорох пальмовых листьев, когда ветерок слегка колышет их большущие, как опахала, ветки. Мне здесь нравятся аккуратные, и даже красивые, овощные лавки на улице, где продавец предлагает плотный бумажный пакет, чтобы покупатель сам выбрал то, что ему приглянется. Тут всегда спелые, а не кислые апельсины, а у гранатов такие сочные, крупные и красивые ягоды, хоть собирай их них бусы. Тут замечательные длинные арбузы. Мы сфотографировали Павлика возле аккуратно выстроенной стенки из продолговатых арбузов, каждый из которых на голову выше Павлика.

Мне нравится особый окрас багдадского раннего утра, а также звеняще застывший раскаленный азиатский полдень. Мне нравится, как вечером всё вокруг освобождается от дневного зноя и наполняется оживленной жизнью. Мне нравится особый прозрачный ночной воздух, сквозь который, как сквозь лупу, даже если совсем темно, отчетливо просматриваются крупные белые звезды на небе и серебряная луна.

Как-то поздним вечером из своего окна на кухне я заметила, как чуть ли не в квартале от нашего дома зажегся свет в одном из окон. Занавески на окне ярко осветившейся комнаты не было. Меня поразило, что, несмотря на такую отдаленность, я отчетливо видела всю комнату со шкафом и парой стульев. Вошла женщина в темных одеяниях. Она ничего не делала, просто стояла, и ее неподвижная темная фигура в рамке светящегося окна почти пустой комнаты на фоне общей черноты ночи рождала ощущение чего-то необычного, таинственного. Несколько вечеров подряд я наблюдала картину другой непонятной мне жизни и не сразу догадалась, что женщина молится. И внезапно мне стало стыдно за свое подсматривание. Меня охватило чувство неловкости из-за того, что я своим досужим любопытством вторгаюсь в чужой глубоко интимный мир и что вдруг я этим нечаянно что-то в нём испорчу.

Мне нравится, мне нравится... Конечно, мне что-то и не нравится. Но перебирать это неохота. Мне порой и внутри самой себя что-то очень не нравится.

Некоторые события в наших буднях.

Векшина мы уже проводили в Москву, а теперь собираются в обратную дорогу на родину и Плотвины. Мне предложили работу в нашем консульстве – прием документов три рабочих дня в неделю с восьми до пятнадцати часов. Я довольна, что у меня будет работа. Всё-таки новый опыт и разнообразие в моей жизни, а также общение с людьми, выходящее за рамки нашей полянки. Эля посоветовала договориться с соседкой Ингой, чтобы оставлять на её попечение Павлика. Советы Эли всегда практичны и в людях она неплохо разбирается.

Я ей сказала: «Жалко, что вы уезжаете. Я бы могла Павлика оставлять с тобой. У тебя были бы дополнительные деньги». На что Эля ответила: «Думаю, в любом случае Инга тебе подойдет больше. Дружеские отношения сложно переводить в другую плоскость». Эльвира

умеет отказать не высокомерно и не обидно. Стоит поучиться, как Эльвира умеет оценивать ситуацию и разбираться в людях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.